

Не позвать ли нам Дживса?

Автор:

[Пелам Вудхаус](#)

Не позвать ли нам Дживса?

Пелам Гренвилл Вудхаус

Дживс и Вустер

«Не позвать ли нам Дживса?» – роман, в котором находчивый Дживс помогает молодому графу Рочестерскому выпутываться из всевозможных передряг, пока его легкомысленный хозяин Берти Вустер учится самостоятельности в специализированной школе для аристократов.

Пелам Гренвилл Вудхаус

Не позвать ли нам Дживса?

Глава I

Бармен, на минуточку отлучившийся из-за стойки в пивной «Гусь и Огурчик», чтобы срочно навести по телефону некую справку, возвратился на свое рабочее место, весь сияя, как человек, узнавший, что ему достался крупный выигрыш. Его так и подмывало поделиться с кем-нибудь своей радостью, но в пивной никого не было, только одна женщина сидела за столиком у входа, потягивала джинс с тоником и коротала время за чтением книги спиритического содержания. Он решил сообщить замечательную новость ей.

– Может, вам интересно будет узнать, мэм, – обратился он к ней срывающимся от волнения голосом. – Мамаша Уистлера выиграла Дубки.

Посетительница оторвалась от книги и с таким выражением посмотрела на него прекрасными темными глазами, будто он сейчас только материализовался из эктоплазмы.

– Что выиграла? – переспросила она.

– Дубки, мэм.

– А что это?

Бармену представлялось невероятным, чтобы кто-нибудь в Англии мог задать такой вопрос, но он успел вычислить, что эта дама – американка, а американки, это он уже знал, часто не разбираются в фактах грубой действительности. Он лично был знаком с одной, которая попросила, чтобы ей объяснили, что такое футбольный тотализатор.

– Это ежегодные лошадиные скачки, мэм, исключительно для молодых кобыл, то есть, иначе говоря, они бывают раз в году, и участие мужского пола не допускается. Проходят в Эпсоме накануне Дерби, а уж про Дерби вы, конечно, слышали.

– Да, про Дерби слышала. Это у вас тут самые большие конские состязания, верно?

– Верно, мэм. Их еще иногда называют классическими. А Дубки бывают накануне, хотя в прежние времена их устраивали на следующий день. То есть, я хочу сказать, – пояснил бармен, надеясь быть понятым, – раньше Дубки были после Дерби, но теперь это переменили.

– И Мамаша Уистлера там всех опередила?

– Да, мэм, на два корпуса. Я поставил пятерку.

– Поняла. Ну что ж, это здорово. Не принесете мне еще один джин с тоником?

– Ну, конечно, мэ. Мамаша Уистлера! – отходя, упоенно повторил бармен. – Моя красавица!

Бармен вышел. А дама снова углубилась в книжку. На «Гуся и Огурчика» снизошла тишина.

По основным показателям это заведение мало чем отличалось от всех остальных питейных точек, гнездящихся вдоль проезжих дорог Англии и не дающих ее населению погибнуть от жажды. Тот же церковный полумрак, те же неизменные картинки над камином: «Охотничьи собаки задирают оленя» и «Прощание гугенота», те же соль, перец и горчица и бутылочки с острым соусом на столах и тот же традиционный озоновый дух – смесь маринада, мясной похлебки, отварного картофеля и старого сыра.

Единственное, что отличало «Гуся и Огурчика» в этот ясный июньский день и придавало ему особую статью среди всех остальных питейных заведений, было присутствие женщины, с которой говорил бармен. Как правило, в английских придорожных кабаках взору не на чем отдохнуть, кроме разве случайного фермера, поглощающего яичницу, или пары коммивояжеров, развлекающих друг дружку неприличными анекдотами; но «Гусю и Огурчику» посчастливилось заманить к себе на подмогу эту заморскую красавицу, и она сразу подняла его уровень на недосягаемую высоту.

Что в этой женщине сразу же бросалось в глаза и исторгало изумленный присвист, так это окружавшая ее аура богатства. О нем говорило в ней все: кольца, шляпка, чулки, туфли, серебристый меховой палантин и безукоризненный парижский костюм спортивного покроя, любовно облегающий выпуклости роскошной фигуры. Вот, сказали бы вы при виде ее, женщина, у которой от презренного металла сундуки ломаются и тик в большом пальце от непрерывной стрижки купонов, а кровожадные пиявки из налогового управления при звуках ее имени по привычке с почтительным придыханием приподнимают свои грязные шляпы.

И, так сказав, вы бы не ошиблись. Какой богатой она казалась, такой и была на самом деле. Похоронив двух мужей, в обоих случаях – мультимиллионеров, она осталась так прекрасно упакована в финансовом отношении, что лучшего и вообразить невозможно.

Жизнь ее может служить красочной иллюстрацией к романам Х. Элджера, которые повествуют про золушек, превращающихся в герцогинь, и тем поддерживают в молодых сердцах неувядаемые надежды, никогда ведь не знаешь, какая колоссальная удача ждет тебя за ближайшим углом. Урожденная Розалинда Бэнкс из городка Чилликот, что в штате Огайо, не обладала никакими дарами, если не считать миловидного личика, великолепной фигуры и некоторого умения сочинять верлибры; с таким багажом прибыла она в Гринич-Виллидж искать счастье в мире искусства – и преуспела с первой же попытки. На одной вечеринке она привлекла к себе взоры и покорила сердце желто-газетного магната Клифтона Бессемера и оглянуться не успела, как стала его женой.

Овдовев в результате попытки Клифтона Бессемера протаранить на своей машине тяжелый грузовик, вместо того чтобы мирно его объехать, она два года спустя познакомилась в Париже и сочеталась браком с А.Б. Спотсвортом, миллионером – охотником на крупную дичь, и почти сразу же овдовела опять. На этот раз виною было расхождение во взглядах между ним и одним из львов, на которых А.Б. Спотсворт охотился в Кении. Он считал, что лев мертв, а лев считал, что нет. И когда стрелок поставил ногу зверю на горло, позируя перед фотоаппаратом капитана Биггара, знаменитого Белого Охотника, сопровождавшего экспедицию, последовала неприятная шумная ссора, а Белому Охотнику надо было сначала отбросить фотоаппарат, да еще он потратил несколько драгоценных мгновений, пока нашарил ружье, так что его выстрел, меткий, как всегда, грянул слишком поздно, чтобы принести практическую пользу. Ничего другого не оставалось, как подобрать ключья и переписать огромное состояние миллионера-охотника на имя вдовы, присоединив его к тем приблизительно шестнадцати миллионам, которые она ранее унаследовала от Клифтона Бессемера.

Вот кто такая была миссис Спотсворт, женщина с душой и с сорока двумя миллионами долларов в кубышке. А дабы прояснить еще некоторые мелочи, быть может, нуждающиеся в прояснении, заметим, что сейчас она направлялась в Рочестер-Эбби в качестве гостьи девятого графа Рочестера, а в «Гусе и Огурчике» остановилась просто немного отдохнуть и выгулять собачку по кличке Помона. Книгу спиритического содержания она читала потому, что с недавних пор сделалась горячей приверженкой потусторонних изысканий. Модный парижский костюм спортивного покроя на ней был потому, что она любила модные парижские костюмы спортивного покроя. А джин с тоником она пила потому, что такой теплый летний вечер словно нарочно создан для того, чтобы выпить стаканчик джина с тоником.

Бармен принес волшебный напиток и продолжил разговор с того места, где остановился:

- Ставка была тридцать три к одному, мэм.

Миссис Спотсворт подняла на него лучистые глаза:

- Простите?

- С этой цифры она начинала.

- О ком вы говорите?

- О той кобыле, что, вот я рассказывал, выиграла Дубки.

- Ах, так мы опять о ней? – вздохнула миссис Спотсворт. Она читала про чрезвычайно интересные манифестации мира духов, и эти земные разговоры прозвучали для нее неприятным диссонансом.

Бармен почуял отсутствие живого интереса. Ему стало немного обидно. В такой великий день он хотел бы иметь дело лишь с теми, в чьих жилах течет спортивная кровь.

- Вы не увлекаетесь скачками, мэм?

Миссис Спотсворт ответила не сразу.

- Да, пожалуй, не особенно. Мой первый муж был от них без ума, но мне всегда казалось, что это как-то бездуховно... Такие вещи не очень способствуют высшему развитию нашего Я. Случается, я иной раз поставлю тыщонку для забавы, но это мой предел. А глубины моей души они не затрагивают.

- Тыщонку, мэм?

- Ну, тысячу долларов.

– Ух ты! – пробормотал потрясенный бармен. – Вот это я называю прозаложить последнюю рубашку. Хотя для меня это была бы не только рубашка, но и чулки с подвязками в придачу. Повезло букмекерам, что вы сегодня не были на ипподроме и не поставили на Мамашу Уистлера.

Он возвратился за стойку, а миссис Спотсворт снова углубилась в книгу.

Далее на протяжении, наверное, десяти минут в «Гусе и Огурчике» ничего существенного не происходило, только бармен прихлопнул салфеткой муху, а миссис Спотсворт допила джин с тоником. Но вдруг могучая рука распахнула дверь, и в зал решительными шагами вошел крепкий, коренастый, широкоплечий и обветренный мужчина. У него было очень красное лицо, зоркие небесно-голубые глаза, круглая, с залысинами, голова и прямоугольные усики щеточкой, какие встречаются повсеместно на далеких окраинах Империи. Они в таком изобилии произрастают под носами тех, кто несет бремя белого человека,[1 - Бремя белого человека – выражение, ставшее присловьем, из одноименного стихотворения Р. Киплинга.] что напрашивается мысль: не имеется ли у их носителей каких-то монопольных прав? На ум приходят ностальгические строки поэта Киплинга: «Мне б к востоку от Суэца, где добро и зло – одно, где не ведают Закона...» и человек может выращивать у себя на губе прямоугольные усики щеточкой.

Вероятно, эти усики и придавали вошедшему такой экзотический вид. Из-за них он казался совсем не на месте в английской придорожной пивной. При взгляде на него чувствовалось, что его естественная среда обитания – притон Черного Майка в Паго-Паго, где он был бы, конечно, душой общества, хотя вообще-то почти все время пропадал бы на сафари, сводя счеты с местной фауной, какая ни подвернется под руку. Вот, сказали бы вы, человек, не раз смотревший в глаза носорогу, и тот перед ним беспомощно отворачивал морду.

И опять же, как и тогда, когда вы так глубоко и точно анализировали миссис Спотсворт, вы окажетесь совершенно правы. Этот мужественный воитель джунглей и саванн был не кто иной, как тот самый капитан Биггар, о котором мы уже мельком упоминали выше в связи с прискорбным происшествием, завершившимся кончиной А.Б. Слотсворта, и любой из тех, кто проживает у дороги в Мандалай или проводит время в «Длинном Баре» в Шанхае, подтвердит вам, что «бвана» Биггар в своей жизни смирил взглядом так много носорогов, что вам такого количества и во сне не увидеть.

Однако в данный момент он думал не столько о наших бессловесных братьях, сколько о том, чтобы выпить чего-нибудь прохладительного. Вечер, как мы уже говорили, был теплый, и капитан проделал долгий путь от Эпсома, откуда выехал немедленно по окончании скачек, известных под названием Дубки, до этой тихой пивной в Саутмолтоншире.

– Пива! – прорычал он, и при звуке его голоса миссис Спотсворт, вскрикнув, уронила книгу, а глаза ее чуть не выскочили из орбит.

И в той ситуации это было вполне естественно, ибо сначала ей показалось, будто она стала свидетельницей одной из тех манифестаций спиритуального мира, про которые она сейчас только читала. У любой женщины глаза из орбит выскочат.

А дело-то все в том, что капитан Биггар, если взглянуть на вещи прямо, был охотник и, следовательно, должен был охотиться. Его место там, где расположены его охотничьи угодья. Встреться он вам в Кении, или в Малайе, или на Борнео, или в Индии, и вы нисколько не удивитесь. «А-а, капитан Биггар, привет-привет, – скажете вы ему. – Как следопытствуете?» А он ответит, что следопытствует нормально. И все в полном порядке.

Но если вы встретите его в английской придорожной пивной, за тысячи миль от естественной области обитания, можно будет вас понять, коль скоро у вас мелькнет подозрение, что это вовсе не живой человек во плоти, а всего лишь призрак, или фантом, завернувший к вам на огонек, как это свойственно призракам и фантомам.

– Иик! – воскликнула миссис Спотсворт, потрясенная до глубины души. С тех пор как она увлеклась потусторонними явлениями, ей часто мечталось увидеть своими глазами настоящее привидение, но для таких вещей нужны соответствующая обстановка и подходящее время суток. Кому охота, чтобы призраки лезли на глаза, когда ты сидишь и пьешь освежительный джин с тоником?

Капитану же Биггару, пока он не услышал голос миссис Спотсворт, она в полутемной пивной казалась просто обыкновенной женщиной, опрокидывающей стаканчик на дорогу. Конечно, он машинально расправил плечи и подкрутил усы, как поступал неизменно в присутствии любой особы женского пола; но кто она

такая, он не догадывался. И вот теперь, узнав ее, он весь, с ног до головы, задрожал мелкой дрожью, словно молодой робкий гиппопотам, впервые столкнувшийся нос к носу с великим Белым Охотником.

– Ну, жарьте меня в кипящем масле! – вырвалось у него, и глаза его полезли на лоб. – Миссис Спотсворт! Варите меня в сливовой подливке! Вот уж кого никак не ожидал встретить. Я думал, вы в Америке.

Миссис Спотсворт опомнилась и приняла прежний светский вид.

– Я прилетела на прошлой неделе с визитом, – пояснила она.

– А-а, тогда понятно. А то я очень удивился, увидев вас здесь. Помню, вы говорили, что живете в Калифорнии, или где-то там такое.

– Да, у меня дом в Пасадине. И в Кармеле. И еще один в Нью-Йорке, и еще во Флориде. И еще на севере, в штате Мэн.

– Пять в общей сложности?

– Шесть. Я забыла еще про дом в Орегоне.

– Шесть? – растерянно повторил капитан. – Что ж, приятно, конечно, иметь крышу над головой.

– Да. Но через какое-то время надоедает. Хочется чего-то нового. Я подумываю купить, может быть, этот дом, куда сейчас еду, Рочестер-Эбби. Я познакомилась в Нью-Йорке с сестрой лорда Рочестера, она возвращалась с Ямайки, и она сказала, что, возможно, ее брат согласится продать. Ну а вы-то что делаете в Англии, капитан? Я, как вас увидела, сначала глазам своим не поверила.

– Да вот, знаете ли, дорогая леди, захотелось взглянуть на родные места. Давно уж не выбирался сюда, все некогда было. Хотя помните пословицу: «Кто с детства много трудится и не веселится, из того вырастет дурак и тупица»? Диву даешься, до чего тут все изменилось с тех пор, как я приезжал последний раз. Нет больше праздных богатеев, если вы меня понимаете, все работают, каждый, так сказать, при деле.

– Да, поразительно! Сестра лорда Рочестера леди Кармойл рассказала мне, что ее муж, сэра Родерик Кармойл, заведует секцией в магазине «Харридж». А он десятый баронет или что-то в этом роде. Представляете?

– Трудно себе представить, ваша правда. Толстый Фробишер и Субадар[2 - Субадар – по-персидски и на хинди означает «начальник».] ни за что не поверят, когда я им расскажу.

– Кто-кто?

– Приятели мои в Куала-Лумпуре. Просто рты поразевают от изумления. Но мне лично нравится, – мужественно заключил капитан. – Так и должно быть. Игра прямой битой.

– Как вы сказали?

– Такой спортивный термин, милая леди. Из крикета. В крикете полагается бить прямой битой, а иначе... иначе ты бьешь, прямо скажем, кривой битой, ну, вы меня понимаете.

– Н-наверно. Может быть, вы присядете?

– Благодарю. Только на одну минуту. Я преследую врага рода человеческого.

В том, как держался капитан Биггар, тонкий наблюдатель заметил бы некоторую скованность и приписал бы ее, вернее всего, тому обстоятельству, что при последнем свидании с миссис Спотсворт он собирал и складывал вместе фрагменты тела ее супруга, чтобы их можно было отправить в Найроби. Однако неловкость, испытываемая им, была вызвана вовсе не этим прискорбным воспоминанием. Корни ее уходили гораздо глубже.

Эту женщину он любил. Полюбил ее с первого мгновения, как она вошла в его жизнь. До чего ясно он помнил это событие! Лагерь среди древесных акаций. Каменистый обрыв. Обломки скал в русле горного потока. Старый Симба (лев) ревет в отдалении, старый Тимбо (слон) гуляет в высоких тростниках (бимбо), и тут к лагерю подъезжает в автомобиле А.Б. Спотсворт, а рядом с ним – божественное видение в брюках для верховой езды. «Моя жена», – представил

А.Б. Спотсворт и указал рукой на свою спутницу, Клеопатру Египетскую и Елену Троянскую в одном лице, а капитан Биггар, отвечая: «Добро пожаловать, мемсагиб, – и произнося вежливое приветствие: – Край йу ти ню ма пай», – испытал такое ощущение, будто его прошибло сильным электрическим током. Вот оно! – понял он.

Естественно, в соответствии с законами белого человека он в своей любви и не подумал признаваться, но с той самой поры в его сердце горела ровным пламенем безмолвная жаркая страсть такого калибра, что порой, на досуге, слушая вой гиен и любясь снегами Килиманджаро, он почти готов был сочинять стихи.

И вот теперь она снова перед ним, и еще прелестнее, чем прежде. Капитану Биггару показалось, будто где-то поблизости бьют в большой барабан. Но это было всего лишь биение его сердца.

Его последняя реплика оставила миссис Спотсворт в недоумении.

– Преследуете врага рода человеческого? – переспросила она.

– Одного мерзавца-букмекера. Подлеца из подлецов с душой черной, как его грязные ногти. Гонюсь за ним уже несколько часов. И почти настиг, – заключил капитан Биггар, мрачно отпив пива, – но тут что-то сломалось в чертовом автомобиле. Сейчас его чинят в гараже по соседству, за углом.

– Но почему вы гонитесь за букмекером? – не поняла миссис Спотсворт. Такое занятие казалось ей совсем не подходящим для настоящего мужчины.

Лицо капитана Биггара потемнело. Своим вопросом она задела обнаженный нерв.

– Жалкий пес подло со мной обошелся. А с виду такой положительный. Усы, как у моржа, и черная нашлепка на левом глазу. «Честный Паркинс» – название фирмы. «Ставьте на кого вашей душе угодно, благородный человек, – он говорил. – Кто не играет, тот не выигрывает. Подходите, подходите, – он говорил. – Вразвалку, враскачку, вприпрыжку. Дамам скидка, ставки не возвращаются». Ну, я и поставил у него в двойном.

– В двойном?

– В двойном, дорогая леди, это когда ставишь на лошадь в одной скачке, и если выиграл, то весь выигрыш ставится на другую лошадь в другой скачке.

– А-а, то, что в Америке называется двойной одинар.

– И как вы легко можете прикинуть, если обе лошади приходят первыми, вам достается изрядная сумма. Я по приезде в Лондон сошелся с довольно осведомленными людьми, и они порекомендовали на сегодня надежный дубль: Люси Глиттерс и Мамаша Уистлера.

Второе имя было миссис Спотсворт уже знакомо.

– Здешний официант сказал, что Мамаша Уистлера победила.

– И Люси Глиттерс в предыдущей скачке тоже. Я поставил на нее пятерку, выиграл из ста к шести и все записал на Мамашу Уистлера в Дубках. Она прошла финиш из...

– ...из тридцати трех к одному, по словам бармена. Вот это да! Вы сорвали приличный куш.

Капитан Биггар допил свое пиво. Он допил его, как страждущая душа – если страждущая душа может пить пиво.

– Да, я, безусловно, сорвал бы куш, – подтвердил он, горестно хмуря брови. – Мне причиталась от него колоссальная сумма в три тысячи фунтов два шиллинга и шестипенсовик да плюс еще моя исходная пятерка, которую я вручил его помощнику, типу в клетчатом костюме и тоже при моржовых усах. И что же? Негодяй-букмекер дал деру, не заплатив. Укатил в своем автомобиле, а я за ним. Несся вдогонку, вихляя по извилистым сельским дорогам, наверное, целую вечность. И как раз когда я его уже почти сцапал, моя машина сломалась! Но я его все равно поймаю, скотину. Изловлю гада. И когда схвачу, выгребу из него все внутренности голыми руками, сверну ему голову, и он у меня ее проглотит. После чего...

Капитан Биггар вдруг опомнился и умолк. Кажется, он заболтался и не дает даме вставить ни слова. В конце-то концов, какое дело этой женщине до его грез наяву?

– Довольно обо мне, – сказал он. – Малоинтересная тема. А как вы жили-поживали все это время, дорогая леди? Все у вас в порядке, надеюсь? Выглядите вы – лучше не бывает. А как здоровье вашего супруга? Ах, простите...

– Ничего, пожалуйста. Вы хотели спросить, не вышла ли я снова замуж? Нет, не вышла, хотя Клифтон и Алексис оба очень советуют. Так мило с их стороны, так благородно! Они так заботятся обо мне.

– Клифтон? Алексис?

– Мистер Бессемер и мистер Спотсворт, мои прошлые мужья. Я с ними время от времени переговариваюсь на спиритических сеансах. Вы, наверно, считаете, – добавила она не без смущения, – что странно с моей стороны верить в такие вещи?

– Странно?

– Многие мои друзья в Америке говорят, что это все вздор собачий.

Капитан Биггар воинственно фыркнул.

– Хотел бы я быть там и высказать им свое мнение. Я бы потряс их тусклый интеллект. Нет, дорогая леди, живя на таинственном Востоке, я видел слишком много фантастического, чтобы находить что-то странным. Я наблюдал, как босые пилигримы на дороге Ахура – Мазда ступали по раскаленным углям. Видел, как в воздух подкидывают канаты и по ним карабкаются вверх стайки ребятишек. Я знаю факиров, которые спят на гвоздях.

– Неужели?

– Уверяю вас. И при этом, подумайте только, совершенно не ведают бессонницы. Так что я не из тех, кто поднимает людей на смех за то, что они верят в спиритизм.

Миссис Спотсворт смотрела на него с нежностью. Она думала о том, какой он чуткий и симпатичный.

– Я очень увлекаюсь мистическими исследованиями. С гордостью могу сказать, что принадлежу к узкому кругу энтузиастов, стремящихся проникнуть сквозь завесу. И надеюсь, что в этом Рочестер-Эбби, куда я еду, я сподоблюсь какой-нибудь яркой духовной манифестации. Это ведь, говорят, один из старейших загородных домов в Англии.

– Ну, раз так, значит, обязательно вспугнете пару-тройку призраков, – заверил ее капитан Биггар. – В этих старых английских домах они водятся целыми табунами. Не выпьете ли еще джина с тоником?

– Нет, мне пора. Помона ждет в машине, а она сердится, когда ее оставляют одну.

– Никак не можете задержаться и пропустить со мной по полстаканчика?

– Боюсь, что никак. Надо ехать. У меня нет слов, чтобы передать вам, как мне приятно было снова встретиться с вами, капитан.

– Для меня это был настоящий праздник, дорогая леди, – ответил капитан Биггар голосом, осипшим от избытка чувств. Они уже вышли на улицу, и она задержалась, стоя возле своего автомобиля в ослепительных лучах заката, так что ему представилась возможность лучше разглядеть ее во всей красе. Как она хороша, подумалось ему, как обворожительна, как... Стоп, Биггар, резко одернул он себя, это никуда не годится, приятель. Соблюдай правила игры, старина!

– Зайдите навестить меня, капитан, когда я вернусь в Лондон. Я остановилась в «Савое».

– Буду счастлив, дорогая леди, буду счастлив, – ответил капитан Биггар. – Зайду непременно.

Но на самом деле он не собирался выполнить свое обещание. Потому что зачем? Какой прок возобновлять это знакомство? Только бередить старую рану. Нет, лучше уж сжать покрепче зубы и прямо сейчас поставить на всем этом точку,

раз и навсегда. Скромному охотнику, прямо скажем, без фартинга за душой, нечего якшаться с богатыми вдовами. О таких вещах ему не раз с осуждением говорили Толстый Фробишер и Субадар в Англо-Малайском клубе Куала-Лумпура. «Этот малый – просто пошляк и гонится за деньгами, – бывало, говорили они за рюмкой джина про кого-нибудь из знакомых, женившегося на богатой. – Обыкновенный жиголо, черт подери, только и всего. Так не поступают, старина, ясно? Это непорядочно».

И они совершенно правы. Так не поступают. Да, черт подери, у человека есть кодекс чести. Одним словом, как говорится, мех нее пан конг бахн ротфай.

Он вздернул подбородок и зашагал по дороге – узнать, как поживает его автомобиль.

Глава II

Замок Рочестер-Эбби – вообще-то в Англии произносится «Ростер» – расположен милях в десяти от «Гуся и Огурчика». Он стоит, вернее, стоит та часть его, которая еще не обрушилась, на самой границе Саутмолтона, среди улыбчивой сельской местности. Хотя если бы вы спросили его владельца Уильяма Эджертона Бамфилда Оссингама Белфрая, девятого графа Рочестерского, с чего бы это в наши дни английской сельской местности улыбаться, он бы затруднился ответить. Архитектура его дома относится к XIII веку, к XV веку и к эпохе Тюдоров, а разрушения – к середине XX века, к периоду после Второй мировой войны.

Чтобы попасть в Рочестер-Эбби, надо свернуть с шоссе и ехать добрую милю по подъездной аллее, густо заросшей живописными сорными травами, а затем подняться по каменным, кое-где выщербленным ступеням парадного крыльца к массивной, давно не крашенной входной двери. Что и проделали сестра Билла Ростера Моника и ее муж сэра Родерик (Рори) Кармойл примерно в то время, когда миссис Спотсворт и капитан Биггар вспоминали былое.

Моника, по прозвищу Маленький Мук, была женщина миниатюрная и очень подвижная; ее муж был долговяз и невозмутим. В его облике и манерах ощущалось что-то от крайне флегматичного буйвола, который задумчиво жует

жвачку и озирается вокруг медлительно и методично, не допуская ни малейшей спешки. Именно так он, стоя на верхней ступеньке крыльца, озирает сейчас Рочестер-Эбби.

– Мук, – промолвил он наконец, завершив осмотр. – Я сообщу тебе одну вещь, которую ты, по своему усмотрению, можешь передавать или не передавать для публикации в прессе. Это несчастное здание раз от разу, что я его вижу, все больше теряет лоск.

Моника немедленно вступилась за дом своего детства:

– Могло быть еще гораздо хуже.

Рори подумал-подумал, пожевал жвачку и спросил:

– Например, как?

– Конечно, дом нуждается в ремонте, но где взять на это денег? Не может же бедняжка Билл содержать дворец на избушечные доходы.

– Почему он не поступит на работу, как все мы?

– Нечего тебе важничать. Подумаешь, деятель торговли!

– Не я один, все работают. Палата лордов практически пустует, лорды приходят заседать только по вечерам и в праздники.

– Нас, Ростеров, трудно к чему-нибудь приспособить. Все мужчины у нас в роду были божьи одуванчики. Дядя Роджер, например, даже сапоги свои не умел надеть.

– А в чьих же он сапогах ходил? – заинтересовался Рори.

– Это мы все не прочь бы выяснить. Конечно, ошибка Билла, что он упустил ту баснословно богатую американку.

– Что еще за американка?

– Это было вскоре после нашей с тобой свадьбы. Некая миссис Бессемер. Вдова. Он с ней познакомился как-то летом в Каннах. Сказочно богатая и, по словам Билла, неопишуемой красоты. Поначалу ситуация казалась обнадеживающей, но потом ничего из этого не вышло. Верно, кто-то перебежал дорогу. Он же тогда был просто мистер Белфрай, а не его сиятельство граф Рочестер, это могло иметь решающее значение.

Рори покачал головой:

– Вряд ли дело в этом. Я вон тоже был просто мистер Кармойл, когда познакомился с тобой, а посмотри, как я тебя лихо уволок из-под носа у лучших женихов графства.

– Да, но вспомни, какой ты тогда был. Разбивал сердца направо и налево, только бровью поведешь. Ты и сейчас еще ничего, – любовно добавила Моника. – Осталось кое-что от прежних чар.

– Что верно, то верно, – не стал отрицать Рори. – При рассеянном освещении я еще кого хочешь очарую. А вот у Билла, мне кажется, всегда не хватало напора... такого напора, какой можно наблюдать у нас в «Харридже». Воля к победе, я бы так это назвал. Она была у Наполеона. Она есть у меня. А у Билла ее нет. Мм-да, так-то, – философски заключил Рори. Он снова принялся оглядывать Рочестер-Эбби. – Знаешь, в чем нуждается этот дом? В атомной бомбе. Чтобы ее аккуратно сбросили на крышу главного банкетного зала.

– Да, это бы, конечно, неплохо.

– В два счета бы все пришло в порядок. Наладилась бы нормальная жизнь. Но увы, атомные бомбы стоят денег, так что этот вариант, надо полагать, исключается. Тебе следует употребить свое влияние и убедить Билла, пусть закупит побольше керосина, нагребет стружек, перестанет выбрасывать утренние газеты, запасется спичками и в одну прекрасную безлунную ночь запалит тут такой костер, чтобы небу жарко стало. Как только старую развалину охватят языки пламени, он сразу почувствует себя другим человеком.

Моника загадочно ухмыльнулась:

– Я знаю способ получше.

Рори покачал головой:

– Нет. Только поджог. Это единственный выход. Старый добрый поджог. Ребята на Востоке им частенько пользуются. Спалят фабрику, на которой работали, и гуляй не хочу.

– А что ты скажешь, если я тебе сообщу, что надеюсь его продать?

Рори изумленно вытаращил глаза. Он был высокого мнения об изобретательности своей жены, но в данном случае, он полагал, она замахнулась на невозможное.

– Продать? Да этот дом задаром никому не всучишь. Билл, как мне известно, предлагал его за бесценок одной благотворительной конторе под приют для исправившихся малолетних преступников, так от него там с презрением отмахнулись. Должно быть, опасались, как бы их преступники не подхватили ревматизм. Чрезвычайно сырое помещение Рочестер-Эбби.

– Да, влажноватое.

– Вода проступает сквозь стены и струится ручьями. Помню, я как-то сказал Биллу: «Билл, говорю, сообщу тебе кое-что насчет твоей домашней обстановки. У вас в саду протекает река, а в доме протекают крыши». Развеселил его, беднягу. Он сказал, что это очень остроумно.

Моника смерила его холодным супружеским взглядом, какие неизменно приводят мужей в трепет.

– Жуть как остроумно, – произнесла она ледяным тоном. – Обхохочешься. И конечно, ты сразу же отмочишь что-нибудь в этом роде, чтобы позабавить миссис Спотсворт.

– Как ты сказала? – До Рори постепенно дошло, что было названо имя, ему незнакомое. – Кто это миссис Спотсворт?

– Дама, которой я надеюсь продать этот дом. Американка. Ужасно богатая. Я познакомилась с ней в Нью-Йорке, по пути домой. У нее штук двадцать домов в Америке, но ей безумно хочется что-нибудь старое и живописное в Англии.

– Романтическая особа, да?

– Вся пропитана романтикой. Ну и вот, когда она мне это сказала – мы сидели рядом на обеде в женском клубе, – я, конечно, сразу подумала про Билла и Рочестер-Эбби и принялась ей его расписывать. Она, похоже, заинтересовалась. В конце-то концов здесь и вправду уйма всяких исторических достопримечательностей.

– И мышей.

– Она на следующий день улетала в Англию, и я пригласила ее, когда я вернусь, приехать сюда и самой все осмотреть. Теперь она должна быть с минуты на минуту.

– А Билл об этом знает?

– Нет. Мне следовало предупредить его телеграммой, но я забыла. Ну да какая разница? Он все равно будет в восторге. Важно только, чтобы ты не отпугнул ее своими убийственными шуточками. «Я часто говорю, миссис Спотсворт, со свойственным мне остроумием, что, с одной стороны, в здешнем саду протекает речка, а с другой стороны, ха-ха-ха! Вы только послушайте – закачаетесь... с другой стороны, в доме протекает крыша». И она, конечно, немедленно бросится заключать сделку.

– Ну что ты, моя старушка, разве я способен ляпнуть такое?

– Очень даже способен, мое сокровище. Твоя беда в том, что ты хоть и лучший из мужчин, но совершенно лишен такта.

Рори усмехнулся. Ему было смешно это слышать.

– Это я-то лишен такта? У нас в «Харридже» тебя бы за такие слова просто подняли на смех.

– Ты должен постоянно держать в голове, как важно для нас продать Рочестер-Эбби.

– Буду помнить. Я всей душой за то, чтобы протянуть старине Биллу руку помощи. Куда же это годится? – перешел Рори к глубокомысленным рассуждениям; он нередко задумывался на подобные темы. – Билл начал свою карьеру с самого низа, как простой наследник графского титула, и благодаря собственной настойчивости и отваге в конце концов достиг того, что стал графом. Но едва только он успел нахлобучить на голову феодальную корону и сказал себе: «Хоп-ля-ля, урра!» – как вдруг происходит социальная революция, и у него отбирают практически все до последнего пенни. М-да, что поделаешь, – заключил Рори со вздохом. – Послушай, Мук, – переменял он тему, – старушка, ты не заметила, что на протяжении нашей беседы, для меня лично крайне приятной, я то и дело, с короткими интервалами, нажимал звонок, но абсолютно безрезультатно? Тут что, Замок Спящей Красавицы? Или ты думаешь, все население этого дома выкосила какая-нибудь чума или холера?

– Да Господи! – воскликнула Моника. – В Рочестер-Эбби никакие звонки не работают со времен Эдуарда Седьмого[З - ...не работают со времен Эдуарда Седьмого... – Эдуард VII – английский король с 1901 по 1910 г., сын королевы Виктории.] по крайней мере. Дядя Джордж, если ему нужно было позвать кого-нибудь из домашнего персонала, запрокидывал голову и выл, как койот.

– Это когда ему требовалось надеть чужие сапоги?

– Надо просто толкнуть дверь и войти. Что я сейчас и сделаю. А ты принеси вещи из машины.

– И куда их поставить?

– Пока на пол в холле, – ответила Мук. – А позже отнесешь наверх.

Моника переступила через порог и вошла в гостиную слева от дверей. В этой комнате во времена ее детства концентрировалась почти вся жизнедеятельность Рочестер-Эбби. Как и в других старинных английских домах таких же размеров, в Рочестер-Эбби имелось много высоких парадных покоев, которыми никогда не пользовались, а также библиотека, куда изредка заходили, и эта гостиная, место встречи всех и вся. Здесь в раннем детстве Моника сидела

и читала «Газету для девочек» и здесь же, пока не запретил дядя Джордж, обладавший обостренным обонянием, она держала своих белых кроликов. Это была просторная, уютная, слегка облезлая комната со стеклянными дверями, выходящими на террасу и дальше в сад, через который, как мы уже знаем, протекала речка.

Моника стояла, оглядываясь вокруг и вдыхая старый знакомый аромат табака и кожи и, как всегда, испытывая грустную радость и сожалея о том, что никак нельзя пустить часы в обратную сторону, а в это время из сада в комнату вошла девушка в рабочем комбинезоне, на миг в изумлении застыла при виде ее, а затем восторженно взвизгнула:

– Маленький Мук... Дорогая!

Моника обернулась.

– Джил, мой ангел!

И они бросились друг дружке в объятия.

Глава III

Джил Уайверн была молодая, очень миловидная девушка, слегка присыпанная веснушками, и по всему видно, что деловая и толковая. Комбинезон на ней выглядел как военный мундир. Ростом она, как и Моника, была невеличка, и один интеллектуальный поклонник в неопубликованном стихотворении уподобил ее танагрской статуэтке.[4 - ...уподобил ее танагрской статуэтке. – Танагрские статуэтки – небольшие терракотовые фигурки из раскопок некрополя древнегреческого города Танагра, отличаются тонкостью лепки и раскраски; датируются IV в. до н. э.] Сравнение это, однако же, хромает, поскольку танагрские статуэтки, при всех их достоинствах, довольно статичны, тогда как Джил была подвижная и энергичная. Она обладала пружинистой походкой и в свое время в школе с успехом играла правым крайним в хоккейной команде.

– Милая моя Мук! – проговорила она теперь. – Это в самом деле ты? Я думала, ты на Ямайке.

– Сегодня утром вернулась. Прихватила в Лондоне Рори и на машине сюда. Он там, у крыльца, вытаскивает вещи.

– Как ты загорела!

– Ямайский пляж. Я три месяца работала над этим загаром.

– Тебе к лицу. А Билл не говорил, что ждет вас сегодня. Ты вернулась раньше времени?

– Да, я прервала свои разъезды более или менее досрочно. Мои средства, столкнувшись с нью-йоркскими ценами, тихо скончались. А вот и король торговли.

Вошел Рори, отирая платком пот со лба.

– Что там у тебя в чемоданах, моя милая? Свинец? – Заметив Джил, он замолчал и уставился на нее, наморщив лоб. – Здравствуйте, – произнес он неуверенным тоном.

– Ты ведь помнишь Джил Уайверн, Рори?

– Да, конечно. Джил Уайверн. Само собой. Как ты справедливо заметила, это Джил Уайверн. Ты рассказала ей про свой загар?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бремя белого человека – выражение, ставшее присловьем, из одноименного стихотворения Р. Киплинга.

2

Субадар – по-персидски и на хинди означает «начальник».

3

...не работают со времен Эдуарда Седьмого... – Эдуард VII – английский король с 1901 по 1910 г., сын королевы Виктории.

4

...уподобил ее танагрской статуэтке. – Танагрские статуэтки – небольшие терракотовые фигурки из раскопок некрополя древнегреческого города Танагра, отличаются тонкостью лепки и раскраски; датируются IV в. до н. э.

Купить: <https://tellnovel.com/pelam-vudhaus/ne-pozvat-li-nam-dzhivsa>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)